

Тайнственный преступникъ.

Я уже былъ секретаремъ канцеляріи Московскаго военнаго генерала-губернатора, когда случилось это происшествіе, стало быть, это было въ концѣ тридцатыхъ годовъ¹⁾.

Отъ исправника поступило донесеніе, что иностранный путешественникъ австрійскій графъ избилъ на станціи смотрителя.

Между тѣмъ графъ уже прибылъ въ Москву и, получивъ въ канцеляріи генераль-губернатора на прожитіе паспортъ взаменъ иностраннаго, просилъ аудіенцію у князя Дмитрія Владиміровича Голицына. Красивый, высокаго роста, брюнетъ, одѣтый въ черный фракъ со звѣздою, графъ блисталъ изяществомъ во всей своей фигурѣ и манерахъ. Онъ заявилъ князю, что съ нимъ случилось прискорбное происшествіе: выведенный изъ терпѣнія дерзостью смотрителя, онъ забылся и прибилъ его; сознавая всю свою вину, онъ просилъ князя научить его, чѣмъ можетъ загладить нанесенное оскорбленіе. Князь, лично бывшій въ такомъ положеніи и прекратившій претензію смотрителя, уплатя ему 1.000 руб., обѣщалъ уладить дѣло графа. Графъ обѣщалъ щедрое вознагражденіе и, казалось бы, дѣлу конецъ.

Но черезъ нѣсколько времени получается отъ графа Бенкендорфа требованіе представить паспортъ графа В. и учредить за нимъ строгій полицейскій надзоръ.

Графъ былъ окруженъ шпионами, но онъ велъ открытую жизнь, осматривалъ древности и рѣдкости Москвы, заводилъ знакомство со знатью, жилъ противъ генераль-губернатора въ лучшемъ номерѣ гостиницы Коппа и Лейба, сдѣлался героемъ

¹⁾ Прошлаго столѣтія.

или львомъ дня, но никакимъ подозрѣніямъ повода не подавалъ.

Прошло недѣли двѣ, какъ князь Д. В. былъ изумленъ новыми отношеніями графа Бенкендорфа. Графъ объявилъ, Высочайшее повелѣніе „именующаго себя Австрійскимъ графомъ В... сослать въ Сибирь на поселеніе“ безъ дальнѣйшихъ объясненій. Это поразило князя, и видя тутъ какія-нибудь недоразумѣнія, князь не исполнилъ Высочайшей воли, просилъ графа Бенкендорфа передоложить Государю, что ссылка иностранца въ Сибирь, не учинившаго у насъ никакого преступленія, ссылка безъ суда и слѣдствія и даже безъ объявленія причинъ ссылаемому, надѣляетъ много шуму въ Россіи и Европѣ.

Бенкендорфъ отвѣчалъ, что онъ удивляется, какъ князь позволилъ себѣ не исполнить Высочайшей воли, но что онъ передокладывать не будетъ. Князь велѣлъ снова написать отъ себя Бенкендорфу, требуя передоклада; но онъ не счелъ возможнымъ оставить графа В. на свободѣ и послалъ объявить ему Высочайшее повелѣніе и посадилъ на гауптвахту, а бумаги и вещи опечатать. Тяжело было князю отдать такое приказаніе, но еще тяжелѣе было его исполнить.

Довольно рано утромъ явился отъ князя чиновникъ, а полиція уже ожидала его за дверями; онъ принялъ чиновника, стоя у стола и опираясь одной рукой, съ видомъ привыкшаго повелѣвать и утонченной вѣжливости высокой особы.

Какъ ни старался чиновникъ подготовить его къ роковой, страшной вѣсти, но надо наконецъ высказаться.

Когда было сказано, что ему предстоитъ невольное путешествіе, онъ сначала принялъ это за высылку за границу и отвѣтилъ только: „надѣюсь, что меня не выдадутъ Австріи“, но когда сказали, что его повезутъ въ Сибирь, онъ остолбѣнѣлъ, зашатался, и кровь хлынула изъ носу, ушей и глазъ, и онъ опустился на пододвинутое кресло.

Сейчасъ было подано медицинское пособіе и несчастный помѣщенъ въ особое просторное помѣщеніе въ Яузскомъ частномъ домѣ, окруженъ всевозможными удобствами и заботами. При опечатаніи оказались у него большія деньги, золотомъ и билетами англійскаго и частныхъ банковъ, бумаги запечатаны безъ пересмотра и сданы на храненіе въ канцелярію.

Князь воспользовался этимъ случаемъ, что услышитъ свое требованіе о передокладѣ, но получилъ отъ Бенкендорфа „исполнить по выздоровленіи“.

Прошло мѣсяца два, графъ выздоравливаетъ, могъ уже кататься и сталъ просить у князя Д. В. аудіенцію.

Князь его принялъ съ глубокимъ участіемъ, встрѣтилъ въ пріемной комнатѣ и за руку повелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Черезъ полчаса времени князь потребовалъ принести портфель графа; когда я внесъ его въ кабинетъ, они оба сидѣли въ креслахъ, какъ добрые знакомые, и я успѣлъ поймать на-лету только, что князь сказалъ ему „Ваша свѣтлость!“ Князь велѣлъ мнѣ дожидаться за дверями; прошло около получаса, когда князь самъ отворилъ двери кабинета и почтительно пропустилъ графа впередъ, потомъ проводилъ его до лѣстницы, какъ очень важную особу.

Князь былъ очень взволнованъ, возвращая портфель уже за своей печатью, онъ написалъ по-французски весьма смѣлый докладъ Государю; князь по-французски превосходно писалъ дипломатическія бумаги, оставалось только переписывать. Объясняя Государю упорство въ передокладѣ графа Бенкендорфа, князь рѣзко выставлялъ тяжелыя впечатлѣнія всей Европы и всѣ непріятныя послѣдствія за такое произвольное распоряженіе съ политическимъ преступникомъ государства, князь опирался на международное право и на обычай всѣхъ (странъ) народовъ и, наконецъ, на то, что это противно основнымъ законамъ имперіи; князь умолялъ Государя отмѣнить свое приказаніе и въ заключеніе говорить, что онъ изъ документовъ и переписки графа съ высочайшими особами убѣдился, что онъ дѣйствительно... тутъ велѣно было оставить пробѣлъ... и въ заключеніе просилъ разрѣшенія выслать его только за границу.

Когда письмо было подано къ подписи, князь, закрывшись листомъ бумаги, пополнилъ пробѣлъ и своеручно запечаталъ конвертъ своею личною печатью.

Что онъ написалъ, осталось тайной. Такое горячее письмо, защищающее отъ нареканій Государя, не могло не произвести впечатлѣнія.

Послѣдовало повелѣніе отвезти именующаго себя графомъ В... въ Одессу и сдать на распоряженія князю Воронцову.

Передъ отъѣздомъ графъ былъ у князя, получивъ всѣ свои бумаги и деньги, потребовалъ счетъ, что на него истрачено правительствомъ, и уплатилъ ихъ, щедро одарилъ медиковъ, полицію и прислугу, разсыпался въ прославленіи гуманности князя, прямо отъ него сѣлъ въ свое великолѣпное ландо съ

переодѣтыми на козлахъ и на сидѣніяхъ жандармами и отправился въ Одессу.

Таинственность страшно меня интересовала, что это за представительная, важная личность, за что она подверглась такому крутому преслѣдованію. Я могъ только узнать, что была предварительная переписка съ австрійскимъ дворомъ, и возвратившіеся жандармы, щедро одаренные, рассказывали, что въ Одессѣ его прямо провезли на пристань и на особо приготовленномъ пароходѣ сейчасъ же отправили въ Константинополь, гдѣ онъ получить свободу.

Это было не черезъ долгое время послѣ Романской революціи, по запискамъ Сильвіо Пилино, въ ней принималъ участіе какой-то герцогъ, членъ царствующаго семейства... не онъ ли это?

Но секретъ—остался невѣдомой тайной.

П. И. Степановъ.

